

От составителей

Антология новой русской военной поэзии, которую вы сейчас держите в руках, была собрана в относительно короткие сроки (август и сентябрь 2022 г.), магистральным импульсом к её созданию стала специальная военная операция на Украине, объявленная Президентом России 24 февраля. Естественно, центральное событие и явление этого весьма представительного собрания — поэзия, гражданская и лирическая, совершенно органическим образом составляющая новейший национальный эпос.

Русская поэзия в магистральном своем значении и звучании всегда продолжение русской истории и географии. В эти категории, безусловно, попадают геополитика и внутреннее состояние сердец и умов.

Продолжение горячее, обжигающее актуальностью, когда поэты полемизируют с коллегами (Александром Кабановым, Ириной Евсой и пр.), переживают и скорбят в откликах на гибель героев (легендарные военные Воха и Корса) и мучеников (Дарья Дугина, Земфира Сулей-

манова) противостояния, остро реагируют на работу военкоров и гуманитарщиков.

Вот некоторые факты об авторах антологии, в бытийном и литературном контексте объясняющие, помимо прочего, ее значение и масштаб.

* * *

Количество представленных поэтов — 63. The best of the best.

Самый старший — Александр Андреевич Проханов, 84 года; самые младшие — Марк Лешкевич и Виктория Цыпленкова, которым по 26 лет — и 58 лет разницы между ними и Прохановым. Большинство поэтов — 1980-х годов рождения (их 17), на втором месте — 1970-х годов (15), на третьем — 1960-х годов (10), на четвёртом — 1990-х (7). Таким образом, в книге представлены практически все наличествующие в России литературные генерации, за исключением разве юных поэтов нулевых годов рождения. Мы намеренно не преследовали цели зафиксировать в антологии состояние поэтической зрелости — так получилось естественным образом, что говорит о многом.

Также для тех, кого интересует гендерный аспект, сообщим, что среди поэтов антологии — 45 мужчин и 18 женщин, впрочем, некоторый мужской перекоп исправляют поэты-военкоры: Анна Долгарева, Наталия Курчатова, Виктория Цыпленкова. Замечательное и прекрасное трио разбавляет прославленный Семён Пегов.

С географией всё еще интереснее. Первое место по количеству авторов уверенно и естественно держит Москва (30), затем идут Санкт-Петербург (7), Донецк (5) и Нижний Новгород (4), Курск и Крым (по 3), далее везде — Белгород, Волгоград, Вологда, Казань, Кемерово, Луганск, Самара, Саратов, Ростов и даже Китай. А на страницах сборника оживают ландшафты Киева, Харькова, Одессы, Мариуполя...

Наша антология принесла две ярких литературных сенсации — под её обложкой встретились поэты, входившие в самую талантливую и скандальную литературную группу второй половины 1960-х — СМОГ («Самое молодое общество гениев»): Владимир Алейников и Юрий Кублановский. Также антология новой военной поэзии после долгого перерыва объединила представителей не менее яркого поэтического

движения конца минувшего века — «Ордена куртуазных маньеристов»: Андрея Добрынина, Вадима Степанцова и Виктора Пеленягрэ. Кроме того, в книге упоминается еще один куртуазный маньерист Александр Бардодым, погибший в 1992 году в ходе грузинско-абхазской войны (Бардодым воевал за независимость Абхазии): приплюсуем и его метафизическое присутствие.

* * *

Ещё несколько тезисов принципиального порядка.

Наша антология является прямой наследницей сборника «Я — израненная земля. Русская поэзия о весне крымской и войне донбасской» («Книговек», 2017 г.). Сборник этот стал не просто лирическим лыком в политическую строку тогдашних событий: там утверждалась одновременно высокая правота национального движения в Крыму и на юго-востоке Украины и прежнее, уровня золотого века, качество русской поэзии и возвращенная насущность поэтического слова, пробужденного этим движением — новой реконкистой.

Его составитель Захар Прилепин (он же один из составителей нашей антологии) писал: «*Быть*

может, это иллюзия, но, взглядываясь в русскую историю, я вижу оправдание многим событиям собственно в литературе. В поэзии как наивысшей форме языка. В эту форму заливается раскалённый металл — и застывает. Получается крест. Получается наконечник копья. Государство и сменяющиеся идеологии могут ставить свои оценки тем или иным событиям, но по итогам поле Куликово, Полтава, Очаков, Измаил, Бородино, Севастопольская страда, красные конники, идущие на Приморье, белые, покидающие Крым, бой подо Ржевом, знамя над Берлином — всё это факты не только истории, но и великой поэзии, растворившейся в нашем национальном сознании.

Значит, там была правда.

Наблюдая за событиями русской весны — сначала солнечными, волнующими, потом жуткими и мучительными, — некоторое время я размышлял на тему: как русское слово отзовется теперь на случившееся? Нет, у меня не было никаких рефлексий на тему, правы ли мы или нет. За нашими плечами стоит русская литература: невозможно представить, что Державин, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Есенин, Булгаков или Шолохов видели бы в происходящем что-то иное, чем увидели мы.

В повести «Тарас Бульба» уже имеются все ответы на заданные нам сегодня вопросы. Другие ответы — не предполагаются вообще.

Все любители порассуждать на тему «...с тех пор всё изменилось» пусть заменяют в учебниках русскую классику на колонки своих прогрессивных глянцевого журналов и оставят нас в покое».

Сборник «Я — израненная земля» (поэзия высочайшего уровня, шестнадцать авторов — и ни одного проходного стихотворения, десятки подлинных шедевров) должен был стать событием в духовной жизни страны, но тогда этого не случилось.

Зато «Израненная земля» стала событием в творческой жизни представленных в ней поэтов, и, как нам представляется, энергетика совместного поступка, общего высказывания и соучастия во многом определила сегодняшний поэтический ренессанс, наступивший после 24 февраля. В сборнике «о весне крымской и войне донбасской» с явно считываемой установкой поэтов на штучность высказывания, а составителя — на неповторимость опыта и образа каждого автора совершенно естественно наблюдалось чье-то высокое присутствие. В стихах Анны Долгаревой с их синтаксическими разломами угадывалась

ранняя Цветаева; в державном разворачивании строф Светланы Кековой — величие поздней Ахматовой. Юрий Кублановский снова рефлексировал вокруг имперского пафоса и комплекса Иосифа Бродского в столь знакомых последнему ландшафтах; Высоцкий военных баллад и Гумилёв, офольклоренный, ушедший в народ и песню, звучали у Игоря Грача и Семёна Пегова; и так неожиданно заземленный, возвращенный из ГУЛАГа в штрафбат Мандельштам — у Игоря Караулова...

Для определения сегодняшнего поэтического прорыва часто используют сравнение с эстрадным бумом ранних 1960-х, «Политехническим» в широком смысле, «мушкетерской» четверкой популярных стихотворцев плюс примкнувший Окуджава (позднее Высоцкий) — мемуары и сериальное ретрокино немало сделали для объявления советских 1960-х историей одной литературной компании.

Сразу отметим, что параллель эта ситуативна и не слишком корректна. Скорее здесь точнее будет сравнение с «Василием Тёркиным» и песенной поэзией времён Великой Отечественной — огромного и чисто русского явления, поэзии, написанной, по меткому выражению Вадима

Кожинова, не о войне, а войной. «С “тематической” точки зрения — это стихотворения о родном доме, о братстве людей, о любви, о родной природе во всём её многообразии и т. п.» — пишет Кожин. Даже в пространной поэме “Василий Тёркин”, имеющей к тому же подзаголовок “Книга про бойца”, собственно “боевые” сцены занимают не столь уж много места.

Преобладающее большинство обретавших широкое и прочное признание стихотворений (включая “песенные”) тех лет никак нельзя отнести к “батальной” поэзии; нередко в них даже вообще нет образных деталей, непосредственно связанных с боевыми действиями, — хотя в то же время ясно, что они всецело порождены войной».

Развивая мысль Вадима Валериановича, отметим совершенно поразительное отсутствие ненависти и агрессии. Советская военная песенная поэзия — в диапазоне от марша до лирики — совершенно девственна в пробуждении, так сказать, чувств недобрых. От ненависти социально-классовой до ксенофобии. В песнях периода Великой Отечественной вообще очень редко попадаются «немцы» и «фашисты».

Чаще речь идёт о неких неконкретизированных «врагах», причем даже в предельно откровенной

для того времени «Враги сожгли родную хату» Михаила Исаковского на музыку Матвея Блантера (1945 г.). Понятно, что есть враги, их надо уничтожать, но жизнь сильнее смерти, и огромность и хрупкость её воплощает образ Родины с её далёкими любимыми, соловьями, осенним лесом, травой заросшим бугорком в широком поле, фронтовым братством с махорочкой, чарочкой и задушевым разговором...

Какое разительное отличие от военной публицистики того же Ильи Эренбурга — разумеется, тоже на тот момент необходимой. И даже когда русские ребята поют «В Германии, в Германии, проклятой стороне» (Алексей Фатьянов, «Давно мы дома не были»), совершенно понятно, что эмоциональное отношение к территории, откуда пришёл жестокий агрессор, не распространяется на людей, её населяющих... Впрочем, поэты, представленные в антологии, не обошли темы трагического расчеловечивания как у воюющей другой стороны, так и у ориентированной на врага публики российского происхождения.

Нам продолжают объяснять, в годы какой свирепой всеобщей мобилизации всё это создавалась и пелось, в смертельной схватке двух тоталитарных монстров; военная цензура, идео-

логический пресс, диктатура и СМЕРШ... А песенная военная поэзия — и аутентичная, и та, что из неё мощно выросла позже в 1960-е-70-е (еще одна, да-да, заслуга Леонида Брежнева, объявившего Победу главным достижением строя и страны), неизменно и последовательно противоречит подобным идеологемам и дидактике.

И вот тут всё познаётся в сравнении — в Третьем рейхе ничего подобного в песенном творчестве не было. Военные марши («собачьи», по выражению прозаика-фронтовика Виктора Курочкина) — пожалуйста. Бытовые, преимущественно фольклорные песенки — да, пелись. Но песни, рождённые всей полнотой сознания воюющего народа, отсутствовали как культурный факт. В песенной поэзии великой войны советский народ оставил непреложное свидетельство, доказывающее цветущую сложность тогдашней духовной жизни, многообразие проявлений «скрытой теплоты патриотизма» (Лев Толстой).

Кстати, именно из «народного» корпуса военных песен с её подтекстами, полутонами, проблематикой случившегося навсегда выбора и пр. выросло мощное советское экзистенциальное искусство последующих десятилетий — поздний

Заболоцкий, отчасти деревенская и лейтенантская проза, Василь Быков и тот же Виктор Курочкин, Шукшин, Тарковский и вообще многие образцы и образы антропологического кинематографа 1970-х, военные и метафизические баллады Высоцкого...

И поэты, составившие нашу антологию, наследуют в огромной степени не стадионному хайпу шестидесятников, но именно «солдатской песне», заставляющей самые разные идентичности и общности чувствовать себя единым народом.

«Рвать площадки» — это полдела, а вот так работать в поэзии, чтобы поэтическое слово стало насущно, как в лучшие и главные времена, — это мировоззренческий сдвиг, которого не отменить.

Отметим ещё одно совершенно революционное явление в современной русской словесности, очень заметное в произведениях, составивших антологию: укрепрайоны постмодерна поэты гвоздят при помощи одного из главных его инструментов — центонного стиха. Который несколько десятилетий считался забавой поэтических мальчиков, а объективно — признаком пошлой эстрадности. Лучшие сегодняшние поэты работают серьёзнее, предпочитая не евродизайн, но чертёж архитектора. Берут

идею, а интонацию переключают в другой регистр. Множественная цитата используется не в качестве мультикультурного лего для катронных месопотамий иронии и стёба, а в качестве архимедова рычага, вытаскивающего клад Традиции. Наиболее цитируемые поэты, прямо и темами/мотивами: Семён Гудзенко, Борис Слуцкий, Александр Твардовский, Юрий Кузнецов, Иосиф Бродский, советская песенная поэзия, Эдуард Лимонов, Егор Летов. Интегральная фигура — Николай Гумилёв.

Необходимо также сказать, насколько содержание антологии противоречит идеологии априорной вторичности, столь характерной для клубно-сетевой поэзии последних десятилетий с её групповой (по сути сектантско-казарменной) дисциплиной и неременной «повесточкой».

Большинство поэтов, представленных в антологии, объединяет одна очень русская эмоция (она же — важнейшая лирическая идея) о том, что у Бога мёртвых нет и наши павшие продолжают воевать с нами бок о бок, одновременно являясь защитой живых и их небесным представительством. Этот поэтический сюжет о русской Валгалле, восходящий к Гавриилу Державину

и продолжавшийся по линии Бродский — Высоцкий — Лимонов (для русского поэтического сознания вообще характерна своеобразная метафизика хаоса, сложнейшего духовного опыта, когда христианское сознание мирно соседствует с античной и племенной мифологией), ставится одним из самых знаковых и влиятельных в военной русской поэзии.

Мы намеренно не цитируем стихов, чтобы читатель оценил всю мощь и неотменяемость общего поэтического контекста и складывающегося канона.

Терпения, мужества нам. И Победы, конечно.

*Алексей Колобродов,
Олег Демидов*